
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

A.Yu. Goloborodko
**The Fundamentals of the State
Cultural Policy as the Semiotical
Code in the Semantic Space
of the Modern Political Discourse**

The cognitive and pragmatic background as an immanent property of the political discourse producing a text materialization of “The Fundamentals of the State Cultural Policy” is considered. The author’s research grounds the feasibility of implementing complex educational activities aimed at filling the space of national consciousness with cultural and historical values and the reconstruction of spiritual matrix of the Russian people.

Key words and word-combinations: state cultural policy, national security, political discourse.

Рассматривается когнитивно-прагматический фон как свойство политического дискурса, продуцирующего текстовое воплощение Основ государственной культурной политики. Обосновывается целесообразность реализации комплексной просветительской деятельности, нацеленной на наполнение пространства национального сознания культурно-историческими ценностями и воссоздания духовной матрицы народа России.

Ключевые слова и словосочетания: государственная культурная политика, национальная безопасность, политический дискурс.

УДК 008.001
ББК 71.4

А.Ю. Голобородько

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В настоящее время языку политики уделяется значительное внимание: политическим дискурсом интересуются как профессионалы от политики, в том числе журналисты и политологи, так и самые широкие массы граждан.

В последние десятилетия эта область знания стала объектом пристального изучения лингвистов. На Западе проблемы языка и власти, языка и идеологии, языкового манипулирования, роли мифа в политической коммуникации и т.п. находились в фокусе исследовательского интереса достаточно давно, но в нашей стране лингвисты стали активно разрабатывать эту проблематику преимущественно с момента начала перестройки, когда политическая коммуникация перестала

носить сугубо ритуальный характер [1, с. 5]. Особую актуальность приобрели вопросы теоретического моделирования политического дискурса, репрезентирующие собой, в частности, изучение когнитивного континуума функционирования политического дискурса; политическая метафористика как способ осмысления мира политики; особенности речевого поведения субъектов политического пространства; анализ вербальных стратегий в политической деятельности и других.

К числу актуальных направлений изучения пространства политических коммуникаций относится проблематика семиотической архитектуры дискурса политики – семиосферы, репрезентация природы которой возможна, на наш взгляд, в координатах известной метафоры зала музея Ю.М. Лотмана: «Представим себе в качестве некоторого единого мира, взятого в синхронном срезе, зал музея, где в разных витринах выставлены экспонаты разных эпох, надписи на известных и неизвестных языках, инструкции по дешифровке, составленные методистами пояснительные тексты к выставке, схемы маршрутов и экскурсий и правила поведения посетителей. Поместим в этот зал еще экскурсоводов и посетителей и представим себе это все как единый механизм (чем, *в определенном отношении, все это и является*). Мы получим образ семиосферы. При этом... все элементы семиосферы находятся не в статическом, а в подвижном, динамическом соотношении, постоянно меняя формулы отношения друг к другу. Особенно это заметно на традиционных моментах, доставшихся из прошлых состояний культуры...» [2, с. 168–169].

Одним из ведущих исследовательских трендов в области семиотического анализа дискурса является концептуальная позиция, в соответствии с которой политический дискурс представляет собой «знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий» [1, с. 6].

В рамках настоящей статьи рассмотрим некоторые особенности семиотического наполнения пространства политического дискурса в парадигме описания инструментария государственной культурной политики, призванного обеспечить укрепление национальной безопасности посредством использования защитно-охранительного потенциала культуры; при этом особое внимание уделим когнитивно-прагматическому дискурсивному фону, продуцируемому текстом Основ государственной культурной политики (далее – Основы), утвержденных Указом Президента РФ в декабре 2014 г.

При описании оснований для выработки государственной культурной политики в документе отмечается. «...перед Российской Федерацией стоит задача в исторически короткий период осуществить экономическую и социальную модернизацию страны, выйти на путь интенсивного развития, обеспечивающего готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира. Это возможно только при условии планомерных и последовательных инвестиций в человека, в качественное обновление личности. В недавнем прошлом такие вложения были явно недостаточными, что создало угрозу гуманитарного кризиса» [3]. Среди задач государственной культурной политики, определенных Основами, выделяется «...утверждение в общественном сознании ценности на-

копленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития» [3].

Не секрет, что в новейшей истории России задача разработки и реализации государственной культурной политики, направленной на формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития на основе утверждения ценности культурно-исторического опыта на современном этапе развития российской государственности, ставится впервые, и это, на наш взгляд, признак «семиотического переустройства», знак ценностного содержательного по(пере)ворота в определении стратегически важных направлений национального «движения», задающего векторы развития институтов общества и государственного управления при акцентировании необходимости их диалога и взаимодействия при разработке и реализации инструментария государственной культурной политики.

Политическая лингвистика как область исследования носит ярко выраженный междисциплинарный характер: в ней интегрируются достижения социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, стилистики, риторики, нарративного анализа и т.д. Дискурс-анализ в политической лингвистике позволяет установить «скрепы» между социологическим, культурным, межличностным и когнитивным аспектами власти; основная задача политического дискурса – вскрыть механизмы сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением [4, с. 51].

В контексте исследования политического дискурса как семиотического пространства принято рассуждать в категориях использования вербальных и невербальных знаков, ориентированных на «обслуживание» этой коммуникативной сферы, тезауруса прецедентных высказываний и текстов, а также представлений о типичных моделях речевого поведения в рамках этого типа коммуникации... [1, с. 13].

В рамках рассмотрения проблематики семиотики политического дискурса в контурах обеспечения национальной безопасности посредством использования защитно-охранительного потенциала культуры (аккумулированного нами в формате особого когнитивного исследовательского конструкта – государственной культурной политики, разрабатываемого в том числе на базе указанных Основ) релевантным представляется использование ряда подходов к рассмотрению политического дискурса, артикулированных в работах французской школы анализа дискурса.

Известный французский исследователь Ж.-Ж. Куртин, развивая концепцию архива М. Фуко, предлагает рассматривать политический дискурс как одну из разновидностей существования исторической памяти. [5]. Одним из свойств политического дискурса, по Ж.-Ж. Куртину, является его повторяемость, и, как отмечает исследователь, интерес к лингвистическим формам, посредством которых повторяемость вписывается в порядок дискурса, в конечном итоге приводит к анализу формирования преконструкта в интердискурсном разноразмерном пространстве – процесса, при котором создается база для конструирования определенных серий из формул высказывания. С помощью цитирования,

повторного цитирования и образования прекопекта объекты дискурса, которыми овладевает высказывание, приписывая их субъекту акта высказывания, обретают референтную стабильность в области памяти, создаваемой пространством рекуррентных формул [5, с. 100]. Говоря о связи дискурса с областью памяти, Ж.-Ж. Куртин вводит понятие «дискурсных ритуалов» непрерывности, которые перекраивают время, соединяя настоящее время высказывания с дискурсивным прошлым и дискурсивным будущим [5, с. 101].

Только благодаря восприятию времени в более широком смысле слова, его отражению посредством познавательных процессов, происходит и отражение того, что изменяется с течением времени, т.е. отражение изменения является первичным по отношению к отражению самой воспринимаемой, представляемой или мыслимой реальности. Если память запечатлевает и хранит смыслы прошлого опыта отражения, а само отражение объективной реальности производно по отношению к эффектам отражения физического времени, за которое происходит последовательная смена состояний объекта отражения, следовательно, организация памяти в психическом контексте может быть понята только исходя из представления о психическом времени, в котором существует смысловая реальность.

В контексте изложенного обратимся к когнитивно-прагматическому фону политического дискурса, представленного Основами, уделив внимание анализу присутствия феноменов «памяти» и «времени» (в смысловом пространстве их реализации) как возможностей для определения правильных, с опорой на исторический опыт и традиции, действий в настоящем и будущем за счет осмысленного использования культурно-исторического потенциала прошлого.

По мере развертывания дискурса Основ в нем можно обнаружить формулы, конструирующие первоначальный, воображаемый дискурс, относящийся к области памяти; это проявляется, например, в том, что обозначается дискурсивными ритуалами непрерывности, которые, по терминологии Ж.-Ж. Куртина, перекраивают время, соединяя настоящее с дискурсивным прошлым и будущим.

Эти формулы вносят, на наш взгляд, в исследуемый дискурс линейную непрерывность движения времени: прошедшее-настоящее-будущее, таким образом происходит синтагматизация временной протяженности, достигаемая, в частности, посредством погружения концептов «культура» («культурный потенциал») в языковые конструкции, манифестирующие непрерывность движения времени «прошедшее-настоящее-будущее России» в преломлении к ценности национальной культуры.

Полагаем, приемы дискурсивного ритуала непрерывности, «следы» которого можно обнаружить в рамках дискурса Основ, обуславливают также возможность его переосмысления в координатах проблематики национального самосознания и национально-культурной идентичности как духовных опор народа: смысловая нить дискурсивной архитектуры Основ в своем суггестивном измерении обуславливает, с нашей точки зрения, необходимость культурной рефлексии в современном российском обществе. Культурная рефлексия при этом может, в нашем понимании, интерпретироваться как состояние сознания, повернутое на переосмысление состоявшихся культурных актов и культурного опыта в поисках новых парадигм развития культуры и культурного роста [6,

с. 65–66], с акцентом на необходимость учета традиционных социально-культурных исторических ценностей и установок.

Представляется, что очевидным сигналом, в аспекте продуцируемого дискурсом Основ перлокутивного эффекта в фоновом когнитивно-прагматическом пространстве практически ориентированной деятельности, является необходимость обращения к диалогическим формам взаимодействия институтов общества и структур государственной власти в рамках разработки и реализации инструментария государственной культурной политики как фактора противодействия обозначенным вызовам и угрозам национальной безопасности современной России, среди которых к числу наиболее опасных отнесена «деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России» [3].

В частности, в кругу принципов государственной культурной политики обозначено «делегиrowание государством части полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам» [3]. В семиотическом измерении этот принцип целесообразно, на наш взгляд, интерпретировать как установку на создание условий для внедрения в многослойное пространство коммуникаций общества и государства технологических инструментов реальной, традиционной, политики [7, с. 15–16], которая призвана преобразовать сложившуюся систему большей частью иллюзорных моделей взаимодействия институтов общества и государства на основе аккумуляции в среде их сотрудничества и сотворчества защитно-охранительного потенциала культурной памяти.

Бесспорным, по нашему мнению, эвристическим потенциалом в рамках рассмотрения дискурса Основ обладает изучение широко используемых культурно-языковых концептов «государство» и «общество», которые, как представляется, в контексте нашей проблематики маркируют актуальность, значимость и востребованность обращения к защитно-охранительному потенциалу культуры в рамках разработки и реализации управленческих решений в интересах развития общества и российской государственности.

Предположим, что имплицитно контуры будущей стратегии подлинного, конструируемого на диалогической основе, взаимодействия общества и государства в рамках разработки и реализации инструментария государственной культурной политики должны предусматривать осуществление разнообразных форм «мягкой силы» (взаимо)влияния, активизацию внедрения механизмов убеждения, просвещения и привлечения в противовес тактике давления и принуждения в практике принятия управленческих решений в интересах национального развития. При этом «просматривается» приоритетность этой стратегии как во внутрироссийском пространстве, так и в контурах международного межкультурного гуманитарного сотрудничества [3].

Еще на один аспект дискурса Основ государственной культурной политики как семиотического кода следует обратить внимание – речь идет о продуцируемой изучаемым дискурсом динамичности политического языка. Известно, что изменчивость и динамичность являются одной из особенностей политического языка, что эксплицируется тем фактом, что сама референциальная область, являющаяся объектом отражения в политическом дискурсе, является актуальной

и злободневной [1, с. 67]. Исследователи отмечают, что с точки зрения диахронической устойчивости в политическом языке разграничиваются три слоя лексики: а) политические константы, б) оценочно-маркированные политические термины и в) злободневная лексика «сегодняшнего дня». При этом Т.В. Шмелева обозначает лексику слоя «в» термином «ключевые слова текущего момента» [8]. Исследователь рассматривает «ключевые слова текущего момента» как особый язык, как «возрастание частотности», «формирование новых сочетаемых возможностей», «активизация грамматического потенциала».

Считаем, анализируемый дискурс Основ репрезентирует достаточно богатую палитру знаков, которые, в контексте его динамичности, возможно интерпретировать в парадигме «ключевых слов текущего момента»; в качестве примеров выделим, например, такие языковые феномены, как «новая система управления процессами культурного развития», «культура как национальный приоритет», «деформация исторической памяти», конституирующих смысловую специфику рассматриваемого дискурса и усиливающих его информативность и «культуроустремленную» семантическую наполняемость.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, основной семантический посыл в его смысловом (приближенном к человеку – гражданину России) измерении в рамках когнитивно-прагматического фона дискурса Основ государственной культурной политики заключается в обращении к необходимости насыщения, в частности посредством системной просветительской деятельности, пространства национального сознания культурно-историческими ценностями, воссоздания духовной матрицы народа России, питающейся достижениями российской культуры как (в терминологии Ю.А. Жданова) особого, самостоятельного, измерения, что в конечном итоге должно обусловить возможность возрождения исторической и духовной памяти как ресурса противодействия различным типам контркультурных сообществ [9] и фактора укрепления национальной безопасности России.

Именно государственная культурная политика как актуальный фрагмент современного политического пространства и инструментарий определения стратегических направлений и практических нацеленных на духовное оздоровление российского общества действий способна выступить одним из продуктивных факторов гармонизации общественных отношений и роста качества жизни, залогом социально-экономического развития и гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России.

Государственная культурная политика способна стать одним из факторов погружения человека (гражданина России) в мир культуры и превращения его «сознательной жизни в жизнь культуры» [2, с. 178], где его (человека) движение / поведение естественным образом согласуется с семиотическими кодами (и одновременно продуцирует их), важнейшим в кругу которых является культурно-историческая память.

Библиографический список

1. Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М., 2000.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.

3. Основы государственной культурной политики: утв. 24 дек. 2014 г. Указом Президента РФ В.В. Путина № 808. М., 2015.
4. *Hacker K.L.* Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research. NY., 1996.
5. *Куртин Ж.-Ж.* Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса // пер. с фр. и порт. М., 1999.
6. *Трошина Н.Н.* Тема национально-культурной идентичности в дискурсе массмедиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М., 2000.
7. *Горчева А.Ю.* Политический менеджмент постсоветской России. М., 2003.
8. *Шмелева Т.В.* Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.
9. *Денисова Г.С., Котов С.В.* Контркультурная сущность современного неонацизма // Власть. 2012. № 4. С. 156–160.

P.M. Fedorov
Trust of the Population
of Ukraine for the European
Political Institutions

Theoretical foundations of institutional trust model are analyzed. Using international and national sociological researches data, the two-factor model of institutional trust of modern Ukrainian society is proved. The problem of lack of consensus on the direction of political integration and considerable regional differentiation of Ukrainian citizens' political attitudes is considered.

Key words and word-combinations: Ukraine, institutional trust, euro-integration.

Анализируются теоретические основы модели институционального доверия. На данных международных и национальных социологических исследований обосновывается двухфакторная модель институционального доверия современного украинского общества. Рассматривается проблема отсутствия консенсуса относительно направления политической интеграции и значительной региональной дифференциации политических установок граждан Украины.

Ключевые слова и словосочетания: Украина, институциональное доверие, евроинтеграция.

УДК 32.001(477)
ББК 66.0(4Укр)

П.М. Фёдоров

ДОВЕРИЕ НАСЕЛЕНИЯ
УКРАИНЫ ЕВРОПЕЙСКИМ
ПОЛИТИЧЕСКИМ
ИНСТИТУТАМ

Абстрактное доверие, доверие к социальным институтам выступает базовым условием функционирования и развития общества. По мнению Н. Лумана, любая система – экономическая, правовая или политическая – требует доверия в качестве обязательного условия, без доверия она не в состоянии стимулировать необходимую деятельность в ситуации неопределенности или риска. Непредсказуемость социальных изменений в трансформирующемся обществе, а также обусловленное этой непредсказуемостью снижение уверенности граждан в эффективном функционировании государства и институтов гражданского общества вызывают дефицит социального доверия, то есть доверия не только к конкретным институтам государственной власти, но и к социальной системе в целом.